

DOI: [10.17805/ggz.2019.3.3](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.3.3)

Логика поздней глобализации: сетевизация и геоэстетика*

Н. Б. Афанасов

Институт философии РАН

В статье проводится социально-философское исследование функционирования внутренней логики поздней глобализации. Предметом рассмотрения становится завершающаяся глобализация. Трансформация современности предполагает ряд изменений в функционировании глобализационных процессов. Сетевизация и эстетизация повседневности принадлежат к их числу.

Обращение именно к этой стадии глобализационного развития позволяет ретроспективно определить некоторые из черт, обеспечивших успех универсалистского проекта в целом. Одним из критериальных отличий глобализованной современности становится сетевизация, имеющая пространственное измерение. Автор предлагает экскурс в историю понятия и его философской интерпретации для того, чтобы прояснить смысл современного концепта «геоэстетика», пришедшего на смену более традиционному представлению о «геофилософии».

Эстетическое измерение пространства становится последствием функционирования сетевизации. Это позволяет сделать вывод, что для понимания протекания глобализации в современности следует иметь в виду культурную логику сетевизации, для которой категории эстетического становятся ключевыми.

Статья обращается к концепции космодернизма, дающей философскую интерпретацию эстетизации пространственных измерений планеты. В ходе ее критического анализа делается ряд выводов о внутренней логике глобализации. Вектор на эстетизацию пространства представляется очевидным. Сетевизация при этом функционирует по пространственным, но не темпоральным законам. Слабым местом концепции признается акцентуа-

* Статья подготовлена в рамках работы по Программе фундаментальных исследований РАН «Многофакторные вызовы и риски перехода к новому этапу научно-технологического и экономического развития России: фундаментальные и прикладные проблемы».

The article was prepared as part of the work on the Fundamental Research Program of the RAS “Multifactor Challenges and Risks of Transition to a New Stage of the Scientific, Technological and Economic Development of Russia: Fundamental and Applied Problems”.

ция на сложности литературного языка, для которого инфраструктура сетей является преимуществом.

Автор делает вывод, что сетевизация на деле процесс гораздо более односторонний и унифицирующий все под единый стандарт, что необходимо учитывать при анализе национальных ценностных оснований любого общества, в том числе и российского.

Ключевые слова: глобализация; сетевизация; геофилософия; геоэстетика; капитализм; ценностные основы общества; модернизация; космодернизм; планетаризм; постмодернизм

Logic of Late Globalization: Networking and Geoaesthetics

N. B. Afanasov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

The article attempts to undertake a socio-philosophical study of the functioning of the internal logic of late globalization. Late globalization is the primary subject of the examination. The transformation of modernity presupposes a number of changes in the functioning of globalization processes. Among them are 'networkization' and aestheticization of everyday life.

Addressing this stage of globalization development allows us to retrospectively identify some of the features that have ensured the success of the universalist project in general. Networking becomes one of the main criterial characteristics of a globalized modernity, and it has a spatial dimension. The author offers a review of the history of the concept and its philosophical interpretations in order to clarify the meaning of the modern concept of geoaesthetics, which has replaced the more traditional concept of geophilosophy.

The aesthetic dimension of space becomes a consequence of the functioning of networking. This leads to the conclusion that in order to understand the trends of globalization in our times, the cultural logic of networking should be considered. The categories of the aesthetic become the key concepts for networking.

The article examines the concept of cosmopolitanism that gives a philosophical interpretation of the aestheticization of our planet's spatial dimensions. Its critical analysis draws a number of conclusions about the internal logic of globalization. The vector towards the aestheticization of space seems to be obvious. Networking functions according to spatial but not temporal laws. The weak point of the conception is the emphasis on the complexity of the literary language, for which the network infrastructure is an advantage.

The author concludes that networking is in fact a much more one-sided process that unifies everything according to a single standard. This should be taken

into account when analyzing national value foundations of any society including the Russian one.

Keywords: globalization; networking; geophilosophy; geoaesthetics; capitalism; value foundations of society; modernization; cosmopolitanism, planetarism; postmodernism

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация и сопутствующая ей сетевизация — два развивающиеся параллельно процесса, отличающие нашу современность. Изучение глобализирующегося мира является одним из самых важных и исследуемых предметов в общественных науках (Гидденс, Саттон, 2018: 14). Некоторые исследователи даже утверждают, что «сама глобализация была глобализирована» (Dator, 2006: 13; перевод наш. — *Н. А.*), подразумевая то многообразие исследовательских подходов и внутренних сюжетов, которые в нее традиционно включаются. Имеется в виду и то, что термин стал частью самоописания эпохи. Впрочем, сам процесс повсеместного распространения капиталистического способа хозяйствования и культурных ценностей, чаще всего определяемых как «западные», начался уже давно. Следует признать, что глобализация, несмотря на существование ряда антиглобалистских проектов и повсеместную критику академического сообщества и активистов, близка к своему завершению (Elias, Moraru, 2015: xiii).

Динамика экспансии универсализма и мировой синхронизации, кажется, не оставляет сомнений в том, что глобализация действительно будет завершена. Однако остается вопрос, закончится ли на этом история, и не является ли тогда единственно верной стратегией продолжить заниматься вопросами ненасильственного и ускоренного осуществления проекта глобализации в тех странах, где модернизация запаздывает или вообще не удается (Федотова, 1997). В таком понимании глобализация становится синонимом модернизации западного образца. Эта мысль выглядит привлекательной, но может привести к той же ошибке, которую совершил в 1989 г. Фрэнсис Фукуяма, провозгласив «конец истории» (Фукуяма, 1990). Как мы знаем, впоследствии философу пришлось пересмотреть свои взгляды (Kampmark, 2002). Такой способ анализа предмета может быть полезен, но он представляет собой прикладной модус мышления, важный для практической реализации модернизационных проектов, в то время как речь идет о теории.

Ключ к пониманию лежит в концептуальной сложности самого процесса глобализации. К наиболее исследованным его сюжетам относятся функционирование капитализма, демократия, вопросы справедливости, равенство, права человека и многое другое (Гидденс, Саттон, 2018: 15). Но в рамках оптики теории глобализации эти категории не всегда рассматриваются сами по

себе. Последнее остается задачей философии. Чаще всего исследователи говорят об этих понятиях, как о готовом наборе лекал (как удачных, так и нет), которые должны быть наложены на общества, исторически выработавшие другие институты. Предметом исследования становится сама *ситуация* применения или принятия глобализирующимися обществами этих образцов. Но это *применение* должно иметь свою внутреннюю логику, если глобализации удастся осуществляться.

В статье мы обратимся к прояснению функционирования внутренней логики поздней глобализации. Предметом нашего рассмотрения выбрана именно завершающаяся глобализация. Обращение к закономерностям ее функционирования и причинам успеха позволит увидеть нечто важное и в меняющейся повседневности вестернизированных горожан, а не фокусироваться на региональных или ориенталистских стратегиях исследования. Ведь если глобализация продолжает свою экспансию, то она в первую очередь уже осуществлена там, где берет свое начало. И все люди рано или поздно станут включенными в сетевые структуры горожанами. В первой части статьи мы рассмотрим сетевизацию, которая является одним из процессов поздней глобализации и обеспечивает ее функционирование. Затем на конкретном примере геоэстетики будет показано, как именно сетевизация меняет жизнь людей, ценностные основания общества и образ мира в начале XXI в.

СЕТЕВИЗАЦИЯ

Важность сетевизации в вопросах распространения технологий, продвижения массовой культуры, унификации мира и синхронизации происходящих в нем процессов становится ключевой темой аналитики завершающейся глобализации (Moraru, 2015: 35). Сетевизационная стратегия поздней глобализации оказалась доминирующей благодаря своей невероятной эффективности. Выделяя основные компоненты мира сетей, следует отметить, что речь идет о создании единой инфраструктуры распространения информации. Т. е., если традиционная офлайн-инфраструктура только стремится к сокращению издержек посредством унификации, как это происходит, к примеру, с контейнеризацией (Урри, 2002: 59), то Интернет изначально создавался как идеальный инструмент продвижения глобализационного проекта. Мы не хотим сказать, что это было сознательной целью, стоявшей перед архитекторами глобальной сети. Однако дух времени и те внутренние задачи, которые они стремились решить, совпали — и большой вопрос, могло ли быть иначе — с экспансионистской направленностью универсализации.

В случае с сокращением временных издержек на передачу информации между пользователями сетей, мы можем говорить о том, что это не просто ускоряет процессы, но меняет образ мира, возникающий у человека. Пережи-

вание пространства в диджитализованной современности и переживание пространства даже в не столь отдаленном от нас по историческим меркам индустриальном обществе представляют собой совершенно разные состояния (Верещагин, 2015). Современное пространство буквально «сжимается», что позволяет говорить об особой актуальности географического измерения для социологии и философии пространства: «География все чаще претендует на место главной социальной науки» (Филиппов, 2008: 3). Вслед за изменением картины мира меняется и сам мир. Этот важный тезис, однако, требует комментария, поскольку физическое измерение сети имеет отношение не к внутренней инфраструктуре Интернета, но к его внешнему обеспечению. По меньшей мере такова сверхзадача, которая для сетевизации может быть сформулирована так: сделать все возможное, чтобы география не имела значения. Вектор позднего модерна на упразднение темпорального измерения существования продолжается в отношении протяженности пространств.

Мы здесь, безусловно, говорим о географии не как о науке, но как о пространственном распределении ресурсов, населения, рукотворных и нерукотворных объектов на поверхности планеты. В этом отношении она сохраняет свою актуальность для администраторов или владельцев сетей, которыми выступают правительства или держатели крупного капитала, но для потребителей прежде всего важен пользовательский опыт. Критериями его привлекательности и продаваемости является безбарьерность, проницаемость и интуитивность среды, к которой получает доступ человек. Именно на их обеспечение тратится большая часть усилий компаний, создающих сети. Внешняя инфраструктура существует для того, чтобы в сетевизованных пространствах для потребителей не существовало видимых препятствий. Обращаясь к тезису Макса Вебера о расколдовывании мира в современности, вспомним, что важно не знать, как реально устроен мир, но иметь уверенность, что этим знанием обладают другие, это знание существует, а также полагать, что в случае необходимости оно может быть легко получено (Вебер, 1990: 709).

Эта логика крайней рационализации развивается и в сетях, когда жизнь существует в модусе, в котором доступ к любому знанию в мире может быть получен в каждый момент времени. Если в Интернете чего-то нет, то по первому требованию оно там появится. Если в мире есть что-то, чего нет в Интернете, то оно никому не нужно. Предположим, что имело бы смысл говорить о том, что формирование ожиданий будет направлено на то, чтобы к сети предъявляли только те требования, которые могут быть легко выполнены. Впрочем, не следует редуцировать эту доступность только к развлекательному и праздному опыту. Сетевизация оказывается также и драйвером экономики высоких технологий, где децентрализация определяет эффективность и

гибкость функционирования предприятий, которые в физической реальности могут находиться на разных континентах (Срничек, 2019). В частности, традиционное индустриальное производство подвергается диффузии со стороны цифровой экономики. Качество, скорость и предсказуемость результатов взаимодействия технических орудий производства с внешней средой определяются адекватностью калькулируемости математических моделей. А модели создаются в соответствии с собранными большими данными и компьютерным анализом статистики. Промедление или неточность в компьютерном расчете в расположенном в Петербурге аналитическом центре может привести к аварии на буровой вышке в Западной Сибири.

Эпистемологическая открытость Интернета формирует новые привычки человека цифровой эпохи. Мы можем также наблюдать, что сетевизация развивается и распространяется гораздо быстрее традиционных тенденций глобализации. Если международная кооперация в экономике повышает эффективность производства и дистрибуции, то говорить о том, что каждый экономический субъект соответствует требованиям, предъявляемым универсализацией, преждевременно: «Признаки¹ хозяйства, достигшего уровня глобализации — это единая законодательная база, единые банковская и налоговая системы, единая валюта, отсутствие барьеров на пути движения факторов производства к местам их использования и готовых продуктов к конечному потребителю, единый механизм управления экономическими процессами на уровне мирового хозяйства в целом» (Никифоров, 2015: 29). Но экспансия сетей в повседневность и производство всех стран функционирует на другом уровне. Ее скорость такова, что многим странам даже приходится предпринимать политические попытки ее ограничения, поскольку виртуальность оказывает вполне реальное влияние на общества (Lawson, 2015). Поскольку государственные органы в первую очередь озабочены вопросами поддержания политического порядка, этот аспект особенно заметен. Однако утверждать, что он единственный, с нашей точки зрения, будет преждевременно.

Для объяснения феномена успеха сетевизации следует указать на несколько важнейших предпосылок происходящего. Глобализация к моменту появления Интернета уже достигла значительных успехов, Берлинская стена пала, Восточный блок прекратил свое существование, мир находился в эйфории от исчезнувшего военного и идеологического напряжения (Moraru, 2015: б). Производственная кооперация ведущих западных держав с азиатскими промышленными гигантами достигла критического уровня взаимопроникновения и синхронизации, когда издержки и риски от возможного охлаждения в отношениях стали слишком высоки. Потенциал экстенсивного развития ка-

¹ Исправлено. В источнике: «Признаками».

питализма, если и не был до конца исчерпан, то был близок к этому рубежу. Именно тогда появляется запрос на виртуальность, которую смогли принять люди. Отдельно отметим, что в те же годы, на рубеже 1980-х и 1990-х гг. возникают новые представления о будущем, связанном с киберпространствами, которые решают традиционные для обществ проблемы справедливости, свободы и т. д. Сам термин «киберпространство» впервые стал употребляться в литературе и искусстве 60-х гг. XX в., однако широкую популярность приобрел позже, после того, как писатель-фантаст Уильям Гибсон в 1982 г. сделал его категорией своего рассказа «Горящий храм», а затем и центральной идеей трилогии «Киберпространство» (Гибсон, 2017).

Но, возвращаясь к нашим основным сюжетам, подытожим, что достигнутый уровень экономического развития и разрешение основных внешнеполитических конфликтов позволил перейти к интенсификации глобализационных процессов. И, как и происходило со многими другими инновациями, первые свои толчки к развитию они получили в наиболее экономически развитых странах. Для нас это важно не потому, что мы хотим подчеркнуть, что первенство внедрения новых технологий и переход на новый образ жизни было за США. Поражает скорее то, с какой скоростью было наверстано отставание другими государствами. Ни с одним другим внутренним процессом глобализации подобного не происходило. Буквально в течение двух десятилетий была выстроена одинаково развитая инфраструктура сетевых подключений, и самые необеспеченные слои населения в развивающихся государствах с радостью включились в функционирование этих структур. Сетевизация оказалась привлекательнее демократии и прав человека.

Но почему мы говорим о сетевизации именно, как о процессе параллельном культурной универсализации и включенном в глобализацию? Собственно, связь здесь не такая простая, как может показаться на первый взгляд. Но мы утверждаем, что она существует. Можно было бы возразить, что сети с той же успешностью могли бы функционировать и на национальном уровне. Это похоже на правду, но сама глобализация, провозгласившая принцип культуры без границ (Понарина, 2012: 11), сформировала ожидание от сетей, как существующих вне ограничений и ощутимой регламентации. Запрос на сетевизацию уже существовал, потому что был встроен в логику глобализации. Сети просто стали самым эффективным из известных нам компонент этой внутренней логики. Затем мы можем увидеть последствия мировой сетевизации, которая не только ускорила диффузию культур и окончательно утвердила гегемонию популярной, массово-производимой культурной продукции, но и породила ряд новых феноменов, которые не могли бы появиться офлайн.

Часто, рассуждая о глобализации и сетевизации, ученые пишут слишком абстрактно, так, будто эти процессы очевидны и не нуждаются в прояснении. Однако сетевизация общества, которую можно было бы определить, как потенциальную возможность включения каждого объекта в отношения с другими акторами в нематериальном качестве (Moraru, 2015: 93), имеет множество способов протекания и последствий. Возможность быть включенным в сетевые отношения становится ключевой характеристикой объектов современности. На одном из аспектов указанного процесса, а именно на понятии «геоэстетика» имеет смысл остановиться подробнее. Глобализация без иллюстраций, таких как Арабская весна, кризис добывающей промышленности в ЮАР или диджитализация молодой части населения, была бы слишком абстрактным понятием, чтобы быть полезной категорией. Также и понятие сетевизации без обращения к функционированию и проявлениям процесса, рискует потерять свой смысл.

ГЕОЭСТЕТИКА

«Геоэстетика», как понятие, не является традиционной категорией социальной мысли. Однако есть основания полагать, что термин, чей исторический генезис не соотносился с развитием социальной философии, может получить новое прочтение как часть аналитического аппарата теории. По меньшей мере структура словообразования концепта посредством использования корня «гео» в составе лингвистической единицы находит свое применение в мысли о современности. Как мы указали ранее, география действительно становится ключевой дисциплиной для цифрового мира, а не превращается в часть анахронистического мышления. Спатиализация медиа может описываться, как возникновение феномена «геомедиа», концепта «который кристаллизуется на пересечении четырех взаимосвязанных траекторий, а именно: конвергенции, повсеместности, учета геолокации и обратной связи в режиме реального времени» (Маккуайр, 2018: 12).

Исходя из приведенного выше определения, становится яснее смысл геоэстетики и ее связь с современностью. Она возникает как результат диффузии новых носимых средств коммуникации и традиционной физической реальности, повседневности человека. Это важный пример осязаемого и актуального влияния цифровых технологий на жизнь человека. В качестве наиболее показательного примера укажем трансформацию повседневности, которая становится увязанной с использованием тех же смартфонов. Американский урбанист Адам Гринфилд в своей книге «Радикальные технологии: устройство повседневной жизни» пишет, что смартфон превратился в «значимый артефакт нашей эпохи. Едва ли можно привести пример другого рукотворного предмета, который был бы столь же распространен, как этот све-

тящийся кусок поликарбоната. Для многих из нас он стал последним предметом, на который мы смотрим каждую ночь перед тем, как заснуть, и первым, за которым тянемся спросонья» (Гринфилд, 2018: 8).

О новых технологиях много говорят в контексте того, что они все изменят, при этом часто забывая о том, что многое уже изменилось. Одержимость будущим, на наш взгляд, часто вредит исследовательской установке. В таком своем виде научный подход предполагает, что современность уже достаточно объяснена. А оставшееся и самое важное в ней следует интерпретировать, проведя ряд мысленных экспериментов, в которых кажущиеся наиболее прорывными тенденции экстраполируются на будущее. Затем, уже исходя из результатов этих гипотез, делаются выводы в отношении актуальной ситуации. Британский социолог Джон Урри определяет эту — отметим, лишь одну из возможных — методологическую стратегию, как экстраполяцию: «Пятый метод прогнозирования будущего заключается в экстраполяции элементов настоящего» (Урри, 2018: 141). В ходе дальнейшего изложения он резонно отмечает, что этот подход имеет ряд критических недостатков, поскольку не учитывается возможность нелинейных взаимодействий в среднесрочной перспективе (там же: 142). Выражая эту мысль проще, скажем, что даже самый подробный социальный прогноз остается только прогнозом, над которым имеет власть случайность.

Мы утверждаем, что геоэстетика — это феномен современности. И перед тем как рассмотреть, что он из себя может представлять в контексте глобализации и изменения культуры повседневности людей, обратимся к тому, как вообще появилось это понятие. На самом деле словоупотребление противоречиво и может легко запутать. «Геоэстетика» представляет собой интерпретацию философского прочтения Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари идей Фридриха Ницше в отношении генезиса античной и мировой философии. В своей книге «Что такое философия?» они посвящают этому целую главу, которую называют «Геофилософия» (Делёз, Гваттари, 2009: 98). Геофилософия объясняет то, почему философское размышление зародилось в Древней Греции, преодолело традиционность племенной территориализации, привнося абстракцию в повседневность: «*Имперский spatium* государства или *политическое extensio* полиса — это не столько территориальный принцип, сколько детерриториализация...» (там же: 99; курсив источника. — Н. А.). Географическое измерение было столь же важно для философии и мысли, как и для исторического развития. И это значение географии не ограничивалось древностью. Для Ницше было важно разгадать загадку, почему философия Англии, Франции и Германии столь развита в сравнении с другими традициями, и в чем заключаются ее национальные особенности.

Географический принцип, являясь интерпретацией пространственности, изначально противостоял темпоральной организации истории. И для Ницше, и для европейской мысли новатором, предложившим отойти от подчинения пространства и настоящего нарративам истории, был немецкий географ и этнограф Фридрих Ратцель, опубликовавший в 1882–1891 гг. двухтомник «Anthropogeographie» (Ratzel, 1882, 1891; см. также: Ellen, 1900). Ницше был знаком с первым томом этой работы и высоко о ней отзывался, соглашаясь с тезисом, что сама временная картография выстраивается как образы времени, а форма анализа преобразует предмет в соответствии с пространственной логикой (Shapiro, 2008: 9). Для нас эта мысль интересна тем, что она больше говорит о современности, чем представляется на первый взгляд. В XX в. тема времени, как центральной категории человеческого бытия, будет продолжать доминировать, несмотря на отмеченный нами пространственный поворот в социальных науках. Впрочем, только зарождавшийся высокий индустриализм и экспансия капитализма уже совпали с тем, что в философии был поставлен вопрос о пространстве, которое должно прийти на смену категории времени. Ницшеанское «вечное настоящее», таким образом, это не точка, но пространство, в котором можно передвигаться (Джеймисон, 2019: 333–336).

Пространство планеты в современной социальной теории и философии культуры понимается и обозначается крайне разнообразно. Подчас каждый теоретик придает терминам свое собственное значение и смысл. В применении к геофилософии, интеллектуальное осмысление пространственных категорий, как продуктивной части современной теории, связано с постмодернизмом и теориями от него отталкивающимися. Под постмодернизмом в данном контексте мы понимаем ту часть его содержания, которая является языком описания завершающейся глобализации. Как убедительно показывает социальный философ Александр Павлов, то, что обозначается зонтичным термином «пост-постмодернизм» заимствует значительную часть методологии из идей американского философа-марксиста Фредрика Джеймисона (Павлов, 2019) и его программной работы «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма» (Jameson, 1991). Описание завершающейся глобализации производится с опорой на культурные феномены, в том числе и литературу: «Земля, планета, земной шар. В XXI в. эти понятия стали частью актуальной шкалы анализа и вошли в интеллектуальную рамку исследований литературы» (Morgan, 2016: 614; перевод наш. — *Н. А.*).

Наиболее актуальное обращение к концепту «геофилософии», который получает эстетическое прочтение и превращается в «геоэстетику», произошло в философском проекте космодернизма американского литературоведа и философа культуры Кристиана Морару (Афанасов, Павлов, 2019). Идея о

том, что планета представляет собой пространственную, осязаемую субстанцию, и при этом ее «мягкая материальность», доступность для обращения достигаются через концепт соотнесенности всех существующих объектов между собой (Elias, Moraru, 2015: xxxi), может показаться непонятной. Некоторое усложнение форм высказывания в целом присуще стилю изложения автора (Афанасов, 2019: 310). Однако, если мы используем теоретическую оптику глобализации, смысл идеи может стать понятнее. Подразумевается, что омирщвление мира до планеты, т. е. до единого целого, производится посредством диджитализации, сетевизации и универсализации доступа к культуре. Люди получают возможность иметь «геоинтерфейс», который изменяет характер взаимодействия пространства, оставляя его материальность, но преобразуя способы обращения к ней.

С нашей точки зрения, космодернизм или планетаризм как объясняющая современность теория теряет свой потенциал, когда начинает рассуждать о должном. Концепция не является в строгом смысле социально-философской, поскольку содержит элемент философии истории, который следовало бы отдельно артикулировать: аналитика планетарности подразумевает не только описание того, что есть, но и провозглашает цель того, что должно быть разумно сконструировано в человеческой истории. Говоря о сетевизации и одержимости социальной мысли будущим, мы указывали, что подчас верно понятые тенденции слишком поспешно подвергаются экстраполяции в будущее. С «геоэстетикой» произошло нечто подобное, когда она стала смыслом исторического развития, которое должно сконцентрироваться на высоком смысле эстетического. Так, тот же автор упоминает о «геоэтике» (Moraru, 2015: 33), увязывая ее с эстетическим. Однако все эти соображения не выглядят достаточно последовательными, чтобы их принять. Если «геоэстетика» действительно схватывает отличающий современность процесс, то предпринятое самостоятельное рассмотрение больше сообщает о ценностях космодернизма как проекта, но не о нашей глобализованной повседневности.

В категории «геоэстетики» эстетическое важно, как чувственное и пространственное, а не как должное и прекрасное. Говоря о наполнении сетей, следует признать, что не каждый литературный текст прекрасен, не каждая фотография вызывает эстетическое переживание. Но то, что они существуют в глобализационном сетевом контексте, легко транслируемы и передаваемы, меняет перспективу восприятия мира современным человеком. Завершение символической власти над планетой произошло не тогда, когда первый человек полетел в космос или были сделаны первые качественные фотографии Земли со спутников, но тогда, когда завершающаяся рационализация и расколдовывание мира получили инструментарий для воплощения своего проекта. Голубой шар Земли на фотографии — это больше принцип территория-

лизации бесконечно чужого, неохватного, чем фиксация жизни в мире. Каждый физический объект может быть, как минимум, сфотографирован, описан и стать предметом интереса любого человека. Суть не в том, что нечто интереснее другого, а в уверенности в доступе ко всему. И только тогда мир перестает казаться чужим местом.

Еще одно переосмысление, которое должно быть произведено — это интерпретация геоэстетики в визуальном ключе. Литературные символы национальных языков, которые живут в Интернете, кажется, если и не исчезают, то не отвоевывают себе пространства. По меньшей мере можно сказать, что это справедливо для большинства культур. Поэтому литература, если и становится глобальным феноменом, то через призму вестернизированной англоязычной глобализации, получая визуальное измерение. Только визуальность кинематографа, фотографии, мема или образа в Интернете может претендовать на универсальность языка. Приводя пример того, как лингвистический синтаксис и культура могут преодолевать разнесенность географических объектов в пространстве, американский германист Джон Пайзер писал, что возможность объединить Камерун и Лос-Анджелес в одном литературном предложении приводит к тому, что «географические объекты по всему миру буквально сталкиваются» (Pizer, 2015: 18; перевод наш. — *Н. А.*). Глобальная сеть предлагает даже более буквальные иллюстрации этих тезисов, создавая коллажи из фотографий достопримечательностей, людей, да и вообще всего, что кому-то интересно.

Для того чтобы в завершение привести конкретный пример того, как геоэстетика функционирует в глобализации, легко обратиться к индустрии отельного бизнеса и феномену отчета о путешествиях пользователей социальных сетей. Наиболее популярные сервисы бронирования номеров предоставляют информацию об услугах, размещая фотографии. При анализе мы увидим, что ни о каком национальном своеобразии чаще всего нет речи, либо это дизайнерские приемы, которые не меняют производительной сути (Ритцер, 2011: 432–436). Структура эстетического всегда одна, и она включена в пространственный каталог систематизированных сайтов. Вероятно, можно предположить, что, опираясь на представления покупателей об эстетическом, инженеры и архитекторы трансформировали среду так, чтобы угодить запросам. А впоследствии были созданы интерфейсы, способные адекватно предоставлять информацию. Эстетическое действительно вторглось в мир повседневности, и это — эстетика сетевизованного пространства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках нашего рассмотрения мы обратились к феномену поздней или завершающейся глобализации. Сетевизация является одним из основных

критериальных отличий этого процесса. Снижение транзакционных издержек на передачу информации усиливает то ощущение доступности и расколдованности мира, которое было присуще высокому модерну. Обращение именно к этому предмету анализа ставило перед собой сразу несколько задач. Во-первых, аналитика современности требует конкретного рассмотрения из перспективы настоящего. Сетевизация сопутствует глобализации, но, как мы показали, этого утверждения недостаточно для того, чтобы охватить мыслью окружающую нас реальность. Необходимо также объяснить, почему и как осуществляется взаимодействие между ними. Это возможно через вскрытие культурной логики глобализации, которая основана на детерриториальном принципе, уходящем в историю мысли XIX в. Помимо этого, очевидно, что культурная логика сетевизации изначально зарождается в странах-пионерах глобализации, затем ускоряет ее течение, а после формирует образы будущей социальной организации: «Скорее всего, в ближайшем будущем продолжится развитие и взаимодействие тенденций к крупномасштабности, безличности и иерархичности организации, с одной стороны, и к альтернативным формам организационного порядка — с другой» (Гидденс, Саттон, 2018: 203).

Сетевизация, с философской точки зрения, является одним из современных способов интерпретации пространства. Поэтому включение в ее рассмотрение исторического генезиса понятия «геофилософия» выглядит оправданным. Более того, в актуальной социальной теории существуют попытки рассмотрения новой категории, которая универсализирует культуру мира. В философском проекте космодернизма эта функция атрибутируется «геоэстетике». Концепт также представляет собой попытку построения культурной логики пространственной сетевизации. Геоэстетика означает, что результатом сетевизации является связь всех объектов в мире, которые на самом деле становятся фактами культуры, включенными в сети, доступ к которым облегчен и является потребностью и феноменом современности. А сущностью этой связи выступает эстетическое, понятое и как чувственность, и как инструментальный литературы или искусства.

Эвристический потенциал этой мысли весьма перспективен, поскольку предлагает неординарный взгляд на структуру повседневности человека в медиамире, когда возможность простого вхождения в поле зрения является сущностной характеристикой материальных объектов, мест и пространств. Однако акцент на литературе и текстах, в сущности, вызванный желанием не только построить социальную теорию, но и сказать нечто о желаемом будущем, во многом ограничивает применимость гипотезы. Вопрос о будущем текста в мире завершившейся глобализации представляется спорным. Безусловно, текст не исчезнет, но будет ли он равноправно представлен на всех

мировых языках — это проблема для отдельного рассмотрения. С нашей точки зрения, образы или изображения куда лучше отвечают геоэстетическому запросу. Они более универсальны и по форме вхождения в сети, как это можно показать на функционировании крупных глобализирующих интернет-платформ, органично вписываются в бесконечные пространства интернет-страниц.

Для ценностных оснований любого общества описанные процессы и черты современности являются первичными и системообразующими, поскольку существование современной (если под «современной» мы понимаем ее новые формы) культуры подчиняется новой логике геоэстетики, воскрешая в новом ключе идеи о философии пространства. Это наблюдение, с нашей точки зрения, представляет особый интерес для российского общества и отечественной философии истории, поскольку именно пространственная логика доминировала в российской истории на протяжении веков. Но, что более важно, очевидно, что российское общество с особой охотой включается в процессы эстетизации пространств, буквально преобразовывая их координатную сетку. Это свидетельствует в первую очередь о том, что российская культура и ее ценностные основания исторически находились среди наиболее прогрессивных образцов и имеют конкурентные преимущества в эпоху поздней глобализации.

Теоретическое рассмотрение современного пространства должно включать в себя его культурную логику, а затем обращаться к тому, как она меняет пространства, которые когда-то казались нам реальными и обладающими своей собственной природой. Британский философ культуры Терри Иглтон, критикуя постмодернистское понимание соотношения культуры и природы, пишет: «Существует устоявшееся постмодернистское представление о том, что природное — не более, чем коварная натурализация со стороны культуры. Трудно понять, как это применимо к кровотечениям или Монблану...» (Иглтон, 2019: 138). Мы не можем быть уверены, как геоэстетика повлияет на кровотечения, но, вероятно, Монблан в угоду изображению возвышенного и культуре безопасности изменится, сохранив свой потрясающий, фотогеничный вид, но приобретя на своем теле безопасные туристические базы с кофейнями, откуда очень удобно загружать фотографии в социальные сети, снабжая их геотегами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасов, Н. Б. (2019) Образы современности в XXI веке: планетаризм Кристиана Морару // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. 3. № 1. С. 299–314.

Афанасов, Н. Б., Павлов, А. В. (2019) Образы современности в XXI веке: космодернизм // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 46–62. DOI: [10.17805/zpu.2019.2.4](https://doi.org/10.17805/zpu.2019.2.4)

Вебер, М. (1990) Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайдено. М. : Прогресс. 808 с. С. 707–735.

Верещагин, О. А. (2015) Постметафизический опыт «переживания» пространства // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 1 (33). С. 86–91.

Гибсон, У. (2017) Нейромант. Трилогия «Киберпространство» / сост. А. Жикаренцев. СПб. : Азбука ; М. : Азбука-Аттикус. 960 с.

Гидденс, Э., Саттон, Ф. (2018) Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 336 с.

Гринфилд, А. (2018) Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / пер. с англ. И. Кушнareвой ; под науч. ред. С. Щукиной. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС. 424 с.

Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2009) Что такое философия? / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Академический проект. 261 с.

Джеймисон, Ф. (2019) Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Олейникова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 808 с.

Иглтон, Т. (2019) Идея культуры / пер. с англ. И. Кушнareвой ; под науч. ред. А. Смирнова. 2-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 192 с.

Маккуайр, С. (2018) Геомедиа. Сетевые города и будущее общественного пространства / пер. с англ. И. Третьякова. М. : Strelka Press. 268 с.

Никифоров, А. А. (2015) Идеи теории глобализации и взгляды ее представителей в области экономики и управления // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: экономика и экологический менеджмент. № 3. С. 28–34.

Павлов, А. В. (2019) Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? // Логос. Т. 29. № 2 (129). С. 1–24. DOI: [10.22394/0869-5377-2019-2-1-21](https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-2-1-21)

Понарина, Н. Н. (2012) Глобализация и проблемы культуры // Общество: философия, история, культура. № 1. С. 11–14.

Ритцер, Дж. (2011) Макдональдизация общества 5 / пер. с англ. А. В. Лазарева. М. : Изд. и консалтинговая группа «Праксис». 592 с.

Срничек, Н. (2019) Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 128 с.

Урри, Дж. (2002) Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. М. : Изд. и консалтинговая группа «Праксис». 576 с.

Урри, Дж. (2018) Как выглядит будущее? / пер. с англ. А. Матвеевко ; под науч. ред. С. Щукиной. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС. 320 с.

Федотова, В. Г. (1997) Модернизация «другой» Европы. М. : ИФ РАН. 255 с.

Филиппов, А. Ф. (2008) Социология пространства. СПб. : Владимир Даль. 285 с.

Фукуяма, Ф. (1990) Конец истории? // Вопросы философии. № 3. С. 134–148.

Dator, J. (2006) What is globalization? // Fairness, globalization, and public institutions: East Asia and beyond / ed. by J. Dator, D. Pratt, Y. Seo. Honolulu : University of Hawaii Press. ix, 399 p. P. 13–18. DOI: [10.2307/j.ctv3zp081.5](https://doi.org/10.2307/j.ctv3zp081.5)

Elias, A. J., Moraru, C. (2015) Introduction: The planetary condition // The planetary turn. Relationality and geoaesthetics in the twenty-first century / ed. by A. J. Elias, C. Moraru. Evanston, IL : Northwestern University Press. xxxvii, 272 p. P. xi–xxxvii.

Ellen, S. C. (1900) Anthropogeographie. Erster Theil: Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte by Friedrich Ratzel // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 16. P. 137–139.

Jameson, F. (1991) Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism. Durham, NC : Duke University Press. xxii, 438 p.

Kampmark, B. (2002) Fukuyama down under: Revising the end of the history after 9-11 // AQ: Australian Quarterly. Vol. 74. No. 6. P. 33–36, 40.

Lawson, G. (2015) Revolutions and the international // Theory and Society. Vol. 44. No. 4. P. 299–319. DOI: [10.1007/s11186-015-9251-x](https://doi.org/10.1007/s11186-015-9251-x)

Moraru, C. (2015) Reading for the planet. Toward a geomethodology. Ann Arbor, MI : University of Michigan Press. viii, 248 p.

Morgan, B. (2016) *Fin du Globe*: On decadent planets // Victorian Studies. Vol. 58. No. 4. P. 609–635. DOI: [10.2979/victorianstudies.58.4.01](https://doi.org/10.2979/victorianstudies.58.4.01)

Pizer, J. D. (2015) Planetary poetics: World literature, Goethe, Novalis, and Yoko Tawada's translational writing // The planetary turn. Relationality and geoaesthetics in the twenty-first century / ed. by A. J. Elias, C. Moraru. Evanston, IL : Northwestern University Press. xxxvii, 272 p. P. 3–24.

Ratzel, F. (1882) Anthropogeographie, oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart : Verlag von J. Engelhorn. XVIII, 506 S.

Ratzel, F. (1891) Anthropogeographie. Zweiter teil: Die Geographische Verbreitung des Menschen. Stuttgart : Verlag von J. Engelhorn. XLII, 781 S.

Shapiro, G. (2008) Beyond peoples and fatherlands: Nietzsche's geophilosophy and the direction of the earth // *Journal of Nietzsche Studies*. No. 35/36. P. 9–27.

Дата поступления: 15.06.2019 г.

REFERENCES

Afanasov, N. B. (2019) *Obrazy sovremennosti v XXI veke: planetarizm Kristiana Moraru* [Images of modernity in the 21st century: Planetarism of Christian Moraru]. *Filosofiiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 3, no. 1, pp. 299–314. (In Russ.).

Afanasov, N. B. and Pavlov, A. V. (2019) *Obrazy sovremennosti v XXI veke: kosmodernizm* [Images of modernity in the twenty-first century: Cosmodernism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 46–62. (In Russ.). DOI: [10.17805/zpu.2019.2.4](https://doi.org/10.17805/zpu.2019.2.4)

Weber, M. (1990) *Nauka kak prizvanie i professiia* [Wissenschaft als Beruf / Science as a vocation]. In: Weber, M. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works] / comp., ed. and afterword by Yu. N. Davydov ; foreword by P. P. Gaidenko. Moscow : Progress Publ. 808 p. Pp. 707–735. (In Russ.).

Vereshchagin, O. A. (2015) *Postmetafizicheskii opyt «perezhivaniia» prostanstva* [Postmetaphysical experience of “experiencing” space]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (33), pp. 86–91. (In Russ.).

Gibson, W. (2017) *Neiromant. Trilogiia “Kiberprostranstvo”* [Neuromancer. Sprawl trilogy] / comp. by A. Zhikarentsev. St. Petersburg : Azbuka Publ. ; Moscow : Azbuka-Attikus Publ. 960 p. (In Russ.).

Giddens, A. and Satton, P. W. (2018) *Osnovnye poniatiiia v sotsiologii* [Essential concepts in sociology] / transl. from English by E. Rozhdestvenskaia, S. Gavrilenko. Moscow : HSE Publishing House. 336 p. (In Russ.).

Greenfield, A. (2018) *Radikal'nye tekhnologii: ustroistvo povsednevnoi zhizni* [Radical technologies: The design of everyday life] / transl. from English by I. Kushnareva ; ed. by S. Shchukina. Moscow : Delo Publishing House, RANEPА. 424 p. (In Russ.).

Deleuze, G. and Gvattari, F. (2009) *Chto takoe filosofiiia?* [Qu'est-ce que la philosophie? / What is philosophy?] / transl. from French by S. N. Zenkin. Moscow : Akademicheskii proekt Publ. 261 p. (In Russ.).

Jameson, F. (2019) *Postmodernizm, ili Kul'turnaia logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism] / transl. from English by D. Krалechkin ; ed. by A. Oleinikov. Moscow : Gaidar Institute Press. 808 p. (In Russ.).

Eagleton, T. (2019) *Ideia kul'tury [The idea of culture]* / transl. from English by I. Kushnareva ; ed. by A. Smirnov. 2nd edn. Moscow : HSE Publishing House. 192 p. (In Russ.).

McQuire, S. (2018) *Geomedia. Setevye goroda i budushchee obshchestvennogo prostranstva [Geomedia: Networked cities and the future of public space]* / transl. from English by I. Tretiakov. Moscow : Strelka Press. 268 p. (In Russ.).

Nikiforov, A. A. (2015) Idei teorii globalizatsii i vzgliady ee predstavitelei v oblasti ekonomiki i upravleniia [The ideas of the theory of globalization and views of its representatives in the field of economics and management]. *Nauchnyi zhurnal NRU ITMO. Seriya: ekonomika i ekologicheskii menedzhment*, no. 3, pp. 28–34. (In Russ.).

Pavlov, A. V. (2019) Postmodernistskii gen: iavliaetsia li postkapitalizm postmodernizmom [The postmodern gene: Does post-capitalism mean post-postmodernism]. *Logos*, vol. 29, no. 2 (129), pp. 1–24. (In Russ.). DOI: [10.22394/0869-5377-2019-2-1-21](https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-2-1-21)

Ponarina, N. N. (2012) Globalizatsiia i problemy kul'tury [Globalization and culture problems]. *Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura*, no. 1, pp. 11–14. (In Russ.).

Ritzer, G. (2011) *Makdonal'dizatsiia obshchestva 5 [The McDonaldisation of society 5]* / transl. from English by A. V. Lazarev. Moscow : Praxis Publ. and Consulting Group. 592 p. (In Russ.).

Srnicek, N. (2019) *Kapitalizm platform [Platform capitalism]* / transl. from English and ed. by M. Dobriakova. Moscow : HSE Publishing House. 128 p. (In Russ.).

Urry, J. (2002) *Mobil'nosti [Mobilities]* / transl. from English A. V. Lazarev. Moscow : Praxis Publ. and Consulting Group. 576 p. (In Russ.).

Urry, J. (2018) *Kak vygliadit budushchee? [What is the future?]* / transl. from English by A. Matveenko ; ed. by S. Shchukina. Moscow : Delo Publ. House, RANEPa. 320 p. (In Russ.).

Fedotova, V. G. (1997) *Modernizatsiia drugoi Evropy [Modernization of the "other" Europe]*. Moscow : Publ. House of the Institute of Philosophy, RAS. 255 p. (In Russ.).

Filippov, A. F. (2006) *Sotsiologiia prostranstva [Sociology of space]*. St. Petersburg : Vladimir Dal Publ. 285 p. (In Russ.).

Fukuyama, F. (1990) Konetz istorii? [The end of history?]. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 134–148. (In Russ.).

Dator, J. (2006) What is globalization? In: *Fairness, globalization, and public institutions: East Asia and beyond* / ed. by J. Dator, D. Pratt and Y. Seo. Honolulu : University of Hawaii Press. ix, 399 p. P. 13–18. DOI: [10.2307/j.ctv3zp081.5](https://doi.org/10.2307/j.ctv3zp081.5)

Elias, A. J. and Moraru, C. (2015) Introduction: The planetary condition. In: *The planetary turn: Relationality and geoaesthetics in the twenty-first century* / ed. by A. J. Elias and C. Moraru. Evanston, IL : : Northwestern University Press. xxxvii, 272 p. Pp. xi–xxxvii.

Ellen, S. C. (1900) Anthropogeographie. Erster Theil: Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte by Friedrich Ratzel. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 16, pp. 137–139. (In Germ.).

Jameson, F. (1991) *Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism*. Durham, NC : Duke University Press. xxii, 438 p.

Kampmark, B. (2002) Fukuyama down under: Revising the end of the history after 9-11. *AQ: Australian Quarterly*, vol. 74, no. 6, pp. 33–36, 40.

Lawson, G. (2015) Revolutions and the international. *Theory and Society*, vol. 44, no. 4, pp. 299–319. DOI: [10.1007/s11186-015-9251-x](https://doi.org/10.1007/s11186-015-9251-x)

Moraru, C. (2015) *Reading for the planet. Toward a geomethodology*. Ann Arbor, MI : University of Michigan Press. viii, 248 p.

Morgan, B. (2016) *Fin du Globe: On decadent planets*. *Victorian Studies*, vol. 58, no. 4, pp. 609–635. DOI: [10.2979/victorianstudies.58.4.01](https://doi.org/10.2979/victorianstudies.58.4.01)

Pizer, J. D. (2015) Planetary poetics: World literature, Goethe, Novalis, and Yoko Tawada's translational writing. In: *The planetary turn: Relationality and geoaesthetics in the twenty-first century* / ed. by A. J. Elias and C. Moraru. Evanston, IL : : Northwestern University Press. xxxvii, 272 p. Pp. 3–24.

Ratzel, F. (1882) *Anthropogeographie oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte*. Stuttgart : Verlag von J. Engelhorn. XVIII, 506 S. (In Germ.).

Ratzel, F. (1891) *Anthropogeographie. Zweiter teil: Die Geographische Verbreitung des Menschen*. Stuttgart : Verlag von J. Engelhorn. XLII, 781 S. (In Germ.).

Shapiro, G. (2008) Beyond peoples and fatherlands: Nietzsche's geophilosophy and the direction of the earth. *Journal of Nietzsche Studies*, no. 35/36, pp. 9–27.

Submission date: 15.06.2019.

Афанасов Николай Борисович — младший научный сотрудник, сектор социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: n.afanasov@gmail.com

Afanasov Nikolai Borisovich, Junior Researcher, Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 1, 12 Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: n.afanasov@gmail.com

Для цитирования:

Афанасов Н. Б. Логика поздней глобализации: сетевизация и геоэстетика [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. С. 32–51. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1043> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2019.3.3](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.3.3)